

ВСЕГДА В СТРОЮ

В сочинском домике писателя Островского висит длинная кавалерийская шинель с зелеными петлицами пограничника. Она принадлежит бригадному комиссару Николаю Островскому. Бригадный комиссар — такое воинское звание было присвоено писателю-бойцу. После десятилетнего перерыва автор произведения «Как закалялась сталь» специальным приказом по армии был возвращен в строй. И это явилось не только признанием фронтовых заслуг писателя. Книги Островского, его боевое славное оружие, помогали и помогают громить врагов на многочисленных наших фронтах. Книжки писателя Островского, как пулеметы Дегтярева, как самолеты Поликарпова, находятся на вооружении нашей Красной Армии.

Недаром 80 процентов первого издания «Как закалялась сталь», томики с изображением штыка и ветки на обложке, пошли «на оборону», в полковые и ротные красноармейские библиотеки.

Каждая строка, написанная Островским, учит нашу молодежь мужеству, учит воевать уметь, упорно, преодолевая тысячи трудностей. Герои Островского не размахивают картонными театральными мечами. В их руках острые кавалерийские шашки, боевые винтовки. Они действуют не среди декораций, а в подлинной исторической фронтовой обстановке.

«Уже гол носился по родной стране Павел Корчагин на тачанке, на оружийном передке, на сурой и острелбленным ухом лошадке. Возмужал, окреп. Выростал в страданиях и невзгодах. Успела зажить кожа, растертая в кровь тяжелыми патронными сумками, и не сходил уже твердый рубец мозолей от ремня винтовки». Николай Островский, боец дивизии Котовского, а затем Первой Конной, сам, как и Павел Корчагин, прошел в боях на тачанке, оружийном передке, на коне, пешком, «взад и вперед» родную Украину. Изувеченный многочисленными ранениями, он был прикован на всю жизнь к постели. Николай Островский не покинул строй, а только переменял винтовку на перо.

Даже внешне, всегда чисто выбритый, опрятно одетый, подтянутый, этот неподвижно лежавший человек как бы сохранял еще свою боевую выправку.

— То, что Николай лежит, что он разбит, не видит, это все внешнее. Сущность: это силач, доблестный парень, боец. Да, в нем все еще чувствуется красноармеец. Он чувствует себя в рядах. И он в рядах даже первых, — говорил об Островском его друг венгерский революционер Матэ Залка — испанский генерал Лукач.

Личная отвага и стойкость Николая Островского в его единоборстве с смертельным недугом справедливо восхищали сердца миллионов молодежи. И книга его «Как закалялась сталь» стала первой любимой книгой советского юношества, подобно «Оводу» Войнич, властителя дум первого поколения революционеров. Она стала книгой — старшим товарищем.

Павка Корчагин, Валя Брузжак, Рита Устинович, Раймонд Раевский, Андрий Птаха, герои Островского, — давно уже друзья нашей юности.

Книги Николая Островского не являются биографией писателя. У нас еще нет такой книги. Но когда эта биографическая книга будет написана, каждая ее страница будет нас вдохновлять. Николай Островский, как и его герои, был всегда честным, отважным солдатом революции, настоящим большевиком.

Николай Островский и Павел Корчагин — родные братья по духу и по судьбе. И это придает силу огромной убедительности каждому слову талантливого писателя. И не только Павел Корчагин, сам Николай Островский — закадычный друг нашей молодежи.

Николай Островский был тесно связан со своими читателями, сообщаящими ему о всех своих радостях и горестях.

«Вы, наверное, единственный бригадный комиссар, который не сможет сказать, сколько у него в бригаде бойцов, но Вы, верно, чувствуете сердцем, какая это огромная бригада — ведь это целая комсомольная, вся молодежь нашей необъятной страны, да и не только нашей страны», — так пишет рядовая читательница комсомола своему писателю-комиссару.

Как кипела жизнь в московской квартире, где Николай Островский работал над книгой «Рожденные бурей»! Сюда приходили писатели, актеры, музыканты. Юный скрипач Нюма Латинский играл у постели больного писателя.

Николай Островский последние месяцы своей жизни работал с напряжением всех сил. Он торопился. Болезнь отказывала ему в последней отсрочке. Огромных усилий требовала от него книга «Рожденные бурей», задуманная им как трехтомная эпопея освобождения Украины и разгрома поляков. Бригадный комиссар принимается за серьезную командирскую учебу. Он должен стать настоящим военным специалистом. Обязан изучить все детально — от тайных дипломатических документов западно-европейских держав до знаков различия, принятых в армиях интервентов. Этот давно и тяжело больной человек работает так, что секретари его, не выдерживая, валяются от усталости.

Но вот книга закончена раньше срока. Николай Островский сдержал свое слово. И теперь болезнь атакует его последним смертельным штурмом.

Перед самым своим концом, очнувшись, Николай Островский спрашивает брата:

— Стонал я?

И когда услышал отрицательный ответ, сказал брату:

— Видишь, смерть подошла ко мне вплотную, а я не поддался ей.

В его последней московской квартире и сейчас видны следы как бы неожиданно прерванной работы.

...Книги, рукописи, кустики отточенных карандашей в подставке на столике у кровати.

Первые экземпляры его книги «Рожденные бурей» вышли в день, когда тело писателя предавалось кремации. Николай Островский так и не дождался своей книги — своего дитя.

Но в этом трагическом сплетении фактов как бы отразилось бессмер-

тие того дела, которому служил Островский. Ушел писатель, а книги его — его бойцы — стоят в строю, воюют.

Недаром Островский сам называл тиражи своих книг «полками» и «дивизиями».

Павел Корчагин живет, он принимает участие во всех победах нашей партии, нашей страны.

Герой Советского Союза Левченко в сумке бойца, павшего у сопки Заозерной, увидел зачитанный до дыр томик «Как закалялась сталь». Когда Красная Армия в освободительном походе перешла бывшую польскую границу, бойцы отыскиали по ту сторону сметенного рубежа, в бедной хатенке больного крестьянского парня. Это был комсомолец. Его избили за то, что он читал товарищам «Как закалялась сталь». Враги боялись этой книги сильнее, чем бомбы.

Эту книгу бойцы-красноармейцы на фронте читали перед тем, как идти в атаку, и она помогала им побеждать.

Чем больше лет отделяет нас от смерти Николая Островского, тем ближе становится творчество этого писателя, так ярко, так талантливо утверждавшего радость жизни.

Николай Островский, певец мужества, шагает с нами в строй. Он — наш боевой товарищ.

Евг. МАР.

СЫН КОМСОМОЛА

(Из воспоминаний)

Это было еще до того, как Николай окончательно свалили последствия ранений и контузии, но он еще ходил на костылях. Болезнь все чаще и чаще железной хваткой сковывала немеющие суставы...

Это был день седьмого ноября.

Улицы Новоросийска заполнены колоннами демонстрантов.

Николай, тяжело опираясь на костыли, идет по тротуару.

Утром, когда Николай собирался выйти, я просила его, чтобы прогулка была короткой. Врачи предписали ему полный покой.

— Хорошо, хорошо, Раюша. Очень не надо, только на комсомольские колонны взгляну, и домой.

...И теперь он искал их. Наконец увидел. Черные глубокие глаза его вспыхнули веселой, радостной улыбкой...

Когда колонна поравнялась с ним, Николай не выдержал, он весь подался вперед, замахал рукой и звонко прокричал:

— Да здравствует девятая годовщина Октября! Да здравствует Ленинский комсомол! Ура-а!

Ребята повернули веселые лица, закричали ответное:

— Ура-а!

Но они не видели, кто крикнул звонкое приветствие... Николай после резкого возбуждения стоял, прислонившись к столбу, бледный, с каплями пота на лбу...

Комсомолец Николай Островский, вырванный было из строя жестокой болезнью, снова вернулся в строй, дав комсомолу пламенную книгу, имеющую огромное воспитательное значение.

За этот беспримерный подвиг правительство наградило комсомольца Островского орденом Ленина.

На следующий день после награждения Николая орденом Ленина собрались делегаты от комсомольских организаций Украины.

Представители ЦК ЛКСМУ передали Николаю, что все украинские комсомольцы просят его принять участие в украинском съезде комсомола.

Николай обрадовался.

— Вот это подарок, так подарок! Только... — улыбка радости сошла с его губ, — какая от меня польза, ребята?

— А радио на что? Протранслируем тебя, как полагается.

— Правильно, — подхватил Николай. — Меня — съезд, а съезд — мне. Словом, мандат делегата приму с благодарностью. Я числюсь действительным членом комсомола Украины и хочу быть активным комсомольцем.

Через несколько месяцев шепетовская районная организация ЛКСМУ выдвинула Николая делегатом на окружную конференцию комсомола.

По этому поводу Николай писал конференции:

«Дорогие товарищи! Я хочу, чтобы вы почувствовали крепкое пожатие моей руки и биение моего сердца, преданного вам, мои молодые друзья. Я шлю вам свой пламенный привет. Я горжусь тем, что Шепетовский район послал меня делегатом на вашу окружную конференцию. Спасибо за честь, за доверие!

Я не могу сказать вам эти горячие слова с трибуны вашей конференции, но я с вами, в ваших рядах. Я прихожу к IX съезду комсомола как боец и комсомолец. Это высокое, почетное звание члена Ленинского комсомола я сохранил своей работой в комсомоле и для комсомола.

В моем партийном билете лежит его маленький сынишка — членский билет Ленинского комсомола, и я бережно храню его — свидетеля моей комсомольской жизни...»

Многое видел этот «свидетель» комсомольской жизни — почти ровесник комсомола...

Р. ОСТРОВСКАЯ.